

Юрий Домбровский

СИЛЬНЕЕ СУДЬБЫ

В провинциальную Вологду: письма другу

Безжалостная колесница времени по-разному прошла по судьбам двух людей, связанных многолетней преданной дружбой, — Владимира Степановича Железняк-Белецкого и Юрия Осиповича Домбровского (1909—1978). Оба они поражают верностью традициям русской интеллигенции, преданностью творчеству, силой своего духа.

Более полувека прожил Владимир Железняк в нашем северном городе, чаще всего отдавая заботам отнюдь не литературным. Вряд ли он представлял таким свое будущее, пускаясь в путь, когда опубликовал первые повести в престижном альманахе «Недра». Тогда, в начале тридцатых, ему не было еще и тридцати лет, а уже написаны и новые повести. Исчезли они в архивах НКВД. А какая неумная энергия была, и какая перспективная открывалась литературная «карьеря»!

На долгие годы был отрешен от литературной работы и Юрий Домбровский. Его первый роман «Крушение империи» вышел еще в 1938 году, а следующий - «Обезьяна приходит за своим черепом» — только в 1959., Роман «Хранитель древностей» опубликован в «Новом мире» (1964) и отдельным изданием, но значительно урезанным. Теперь нам представилась возможность познакомиться с главным романом Юрия Домбровского, «Факультет ненужных вещей» («Новый мир», 1988, № 8—11). Вслед за журнальной публикацией появилось и несколько книжных изданий. А вот уже открылось первой книгой и собрание сочинений в шести томах.

В. Железняк и Ю. Домбровский учились на ВГЛК (Высшие гослиткурсы) в 1926—1929 годах, потом для каждого началась литературная работа и.... годы неоправ-

- 165 -

данных преследований. Владимир Железняк «по социальному признаку» — как сын сенатора — был сослан в Вологду. В лагерь попал остроумный весельчак Домбровский, дважды бежал, срок добавляли, а закончились скитания в Алма-Ате, где он пережил тоже немало мытарств. Лишь после смерти Сталина писатель получил вызов в Москву и комнату в столице.

Как раз в эту самую пору В. С. и Н. В. Железняки побывали у Домбровского и с тех пор переписывались. Несколько из этих писем сегодня и публикуется, открывая возможность читателям хотя бы немного понять интересы писателя, ход его работы над романами. Полагаю, что «Факультет ненужных вещей», так запоздало пришедший к читателям, станет одной из лучших книг наших дней. Непринужденная живость сюжета, трагизм и юмор, глубина философских

обобщений делают этот роман о 1937 году явлением исключительным в нашей литературе.

По-разному сложились судьбы В. С. Железняка и Ю. О. Домбровского, но по-разному только в бытовых частностях. Жертвы сталинского тоталитаризма, они оказались сильнее навязанной им судьбы. Такое подвижничество по праву вызывает не только удивление и признание, но и поклонение.

Живой отсвет судьбы дышит и в каждой строчке писем Юрия Домбровского. Наплывает в них прошлое, припоминаются самые разные лица (удалось установить далеко не каждое из имен), сыгравшие и различную роль в жизни писателя. И не затухает ни на миг деятельная мечта о главном и непременно рождении будущей книги,— что ж, в ней отложился и весь смысл трудно прожитой жизни.

В них все интересно, в этих письмах: мимолетно брошенные замечания о поэзии или прозе; суждения об искусстве, всегда конкретные и точные. Нам дано почувствовать тусклую обыденность нищего существования старого писателя и высокий полет мысли, остро пережитой и чеканной. И в каждой строке безыскусно и искренне открывается перед другом-адресатом личность глубокая и неповторимая.

- 166 -

1.

1956

Дорогой друг!

Только что приехал и застал твои письма, вырезки и недоумения — полный стол вопросов и недоумений от всех моих друзей, но я был в Алма-Ате три месяца и, конечно, совершенно выбыл из пределов досягаемости! Сегодня первый день в Москве и спешу тебе ответить! был у Свет. Вли.¹ — говорил: твоя рукопись² пойдет на рецензию к Задорнову — второй рецензией они посчитают отзыв Вл. Герм.³ Таков железный порядок — меня тоже рецензировали двое, хотя, как ты знаешь, вещь уже была напечатана. Устраивает тебя Задорнов?⁴ Напиши. Я задержал посылку. Я его совершенно не знаю. Моя вещь все еще не ушла в типографию — жду последней подписи глав. ред. Оформление столь ужасное, что я потребовал переделки. Делал его какой-то Снегур — газетный художник, иллюстратор шпионских романов Воениздата. Даже не захотел со мной повидаться, просукин сын! Вот так-то дела дорогой.

Вчерне кончил второй роман этого цикла «Факультет ненужных вещей». Теперь сяду за его переписку, т.е. напишу второй и третий раз.

Обнимаю, дорогой. Пиши.

2.

1959

Надпись на книге Ю. Домбровского «Обезьяна приходит за своим черепом» («Советский писатель», Москва, 1959 г.):

1 Фамилия неизвестна, скорее всего — редактор в издательстве «Советский писатель».

2 Будущая повесть «Кружевное панно».

3 В. Г. Лидин (1894—1979) — автор многих романов.

4 Н. П. Задорнов (р. 1909) — писатель, автор исторических романов «Амур-батьюшка», «Капитан Невельский» и др.

- 167 -

Дорогому Вл. Железняку от его старого-старого, забытого-перезабывтого товарища, однокашника и почитателя с истинной любовью и уважением подносится эта — воистину многострадальная книга.

Домбровский.

3.

1962

Дорогой Володя,

извини меня, пожалуйста, за назойливость, но у меня опять был такой противный период, когда я душевно зашивался и не мог отвечать на письма. Это у меня бывает. Не что-нибудь такое, а просто руки ни на что не поднимаются. Прошедший год был для меня здорово тяжелым, посмотрим, что даст этот. Статью¹ твою прочел и очень тебя благодарю за нее. Хорошая статья — последние работы Фаворского² — такие, как «Маленькие трагедии», «Борис Годунов» — мне тоже очень нравятся. Ни у кого так дерево не пело в руках, как у него.

Привожу тебе неизданное и не известное никому стихотворение О. Мандельштама³ (в подлинности не сомневайся — получил из наидостовернейшего источника).

Как дерево и медь — Фаворского полет.

В дощатом воздухе мы с временем соседи.

И вместе нас везет слоистый флот

Распиленных дубов и яворовой меди.

И в кольцах сердится еще смола, сочась.

Но разве сердце — лишь испуганное мясо?

Я сердцем виноват, я сердцевины часть

До бесконечности расширенного часа.

Час, насыщающий бесчисленных друзей,

Час грозной площади с счастливыми глазами.

Я обведу еще глазами площадь всей

Этой площади с ее знамен лесами.

11/11—37, г. Воронеж

1 Статья В. С. Железняк о Фаворском.

2 В. А. Фаворский (1886—1964)—русский советский график и живописец, народный художник СССР.

3 О. Э. Мандельштам (1891 —1938) — русский советский поэт.

- 168 -

Немного заумно, как и многое из того, что писал он в последние годы (хотя среди этих неизданных и неизвестных есть такие шедевры ясности и выразительности, как «Импрессионность»), но зато стиль Фаворского тех лет передан хорошо и точно. Я не особенно люблю это назойливое обыгрывание однозвучных, но разных по сути понятий (площадь площади), но ведь и Пушкин ими пользовался («но что же делает супруга одна в отсутствии супруга?»). Так вот, о Фаворском. Гравюра на дереве, конечно, таит большую опасность — она может быть попросту деревянной, и первое время Ф. и делал ее такой — монументально-неподвижной, с фигурами, похожими на тесаных святых (у вас, наверно, их много и в галерее, и в музее) — т. е. он их не резал по дереву, а высекал из дерева — как Коненков¹ своих баб — вот таким он мне мало нравился. Хотя у него и тогда самое главное — его почерк, стиль, художественная личность. Теперь он мне нравится очень. Эта сцена дуэли из «Каменного, гостя» с тенью сабли и руки на стене — просто гениальна, хотя такие шутки больше любят режиссеры кино, чем художники.

Я таскаю твою статью все время в кармане, хочу показать ее такому любителю художеств и действительно знатоку, как С. Антонов. Ответил ли тебе Арбат?² Я его спрашивал несколько раз, и он всегда мне говорил с энтузиазмом и скороговоркой: «Обязательно, обязательно — вот узнал адрес и...». Слушай, какие здесь иконы есть у ребят!!! Вот, например, «Уверение Фомы» в холодносиних грековских тонах. Впрочем, это и сюжет тоже грековский — церковь не пропагандировала ни опыт, ни образ этого первого скептика, наверно, икона подносная, именинная. Ездят, собаки, на Север — ходят, меняют, приторговывают — мне никогда ничего подобного не достать.

Очень-очень рад, что у тебя (очевидно, наконец-то!) телевизор. Сам я не могу заводить у себя этот театр

1 С. Т. Коненков (1874—1971) — русский советский скульптор, народный художник СССР.

2 Юрий Арбат — писатель, автор книг по народному искусству, не раз бывал в Вологде. В библиотеке В. Железняк есть несколько книг с его автографами.

- 169 -

на дому — когда же тогда работать? Но когда попадаю в чужую квартиру, то смотрю с удовольствием. Строгаю роман — кончил первую часть — что будет, не знаю, и даже сколько стоит все написанное, тоже не знаю. Так отдельные главы как будто более или менее благополучны, но ведь смысл имеет только целое, и оно ведь не только, состоит из частей, но и из ничего не состоит (поймешь меня),— оно—целое! Ладно, записался. Обнимаю тебя. Привет и поклон твоей милой супруге — дай ей Бог всего хорошего!!!

4.

1963

Володя, дорогой!

Прости, милый, опять задержал ответ, но тут вот какое дело — сегодня 7-е, а только пятого я сдал рукопись¹ машинистке. Пусть стучает. Сейчас лежу в своей голицынской берлоге и сосу лапу. Завтра начну опять портить чистые ученические тетради своими лукавыми мудрствованиями, ибо, уже сдав, понял, что не все дописал, а кое-что и не так написал. Надо бы поработать еще хоть с пятидневку, ну да пес с ним!

Торопят меня со сдачей рукописи на читку. Да я и сам в первый раз прочитаю все, что я понатворил в полном и связном виде, а то и писал и читал кусками. Когда прочту все, что есть, напишу тебе о своем впечатлении, а пока не знаю, что вышло. Вся рукопись (т. е. первая книга) немного больше 15 п. л. (печатных листов, т. е. около 350 стр. машинописи.— В. О.).

Очень боюсь за лирические отступления, которых порядком (и сделаю для этой книги еще два — Ежов и Сталин). Впрочем, они у меня будут ввязаны в сюжет.

Очень боюсь и за композицию. Ввиду того, что моя цель показать, как на каждом человеке нашего времени скрещиваются все линии мировой истории и, скажем,

1 Речь идет о рукописи романа «Хранитель древностей», опубликованного год спустя в «Новом мире».

- 170 -

события в Абиссинии толкают итальянца на немца, немца на поляка, поляка на русского,— то мне и приходится довольно обширно, наряду с раскопками, показывать Запад: Геринга, Геббельса, Гитлера, человека с судьбой Карла Осецкого (помнишь, лауреата Нобелевской премии, засаженного немцами в лагерь).

Связующее звено — удав, сбежавший из алма-атинского зоо и перезимовавший в горах. Он стал мировой сенсацией (такое действительно было) и вызвал много самых неожиданных откликов, явлений, аналогий и т. д. Этим я и пользуюсь. В общем, посмотрим!

Ты просишь рассказать о Карагалинской диадеме. Добавить я могу очень немного. Я к этой теме еще не приступил детально (она будет во 2-й книге)¹. Нашел эту диадему лично я, т. е. не нашел, а задержал тех, кто принес к нам в музей золотые бляшки. Это было в 1939 году. С тех пор писали о Ней довольно много, но научно она еще не издана.

Более или менее твердо решен только вопрос о народности зусуни (т. е. казахи). Насчет колец (их размера) вопрос решался просто — оказывается, эти кольца со сжимающимся устройством. Так что грациальная женщина — не воровка. Есть еще версия — эта китайская невеста-царевна, которую везли в брачном уборе, и которую похитил ибрис — горный барс. Видишь, без барса не обойдешься, но я думаю, что клевета. Барс такими дешевыми номерами (похищение красавиц) не занимается.

В общем, пока ничего умного не придумано. Археологически и искусствоведчески эта находка достойна всяческого внимания. Диадема, бляшки, кольца — очень совершенные образцы ювелирного искусства. И это безусловно местное изделие: джейраны, туры, верблюды, с тигр, барс — это все фауна этих мест.

Меня очень интересует внешность женщины — череп был послан в свое время Герасимову, нужно будет установить, сохранился ли он и не сделана ли им хоть карандашная реконструкция лица. В музее никто ничего не

1 И действительно, все детали, о которых ведется речь ниже, нашли место в романе «Факультет ненужных вещей».

- 171 -

знает и не помнит. Придется все это восстанавливать самому.

Вот, кажется, все самое существенное об этой находке. Повторяю, когда займись ею вплотную, узнаю и, если захочешь, напишу тебе больше.

Живу в Голицыне¹ — скучаю, ибо никого стоящего внимания и разговора нет — порхают тихие бесплотные ангелы, какие-то тени прошлого. Заходит иногда Я. Шведов², и мы с ним выговариваемся о курсах. Видал ли ты, кстати, карикатуру Кукрыниксов, где есть некоторые наши соученики?

Ну пиши, дорогой, привет. Юрий:

5.

26 декабря 1963

Дорогой Володя!

Спасибо тебе за доброе, хорошее письмо. Оно поистине меня утешило. Да, и это пройдет, и мы пройдем, и, вероятно, так и следует, хотя в биологическую неизбежность смерти я не верю — она, конечно, как писал Баратынский — «принуждение — Условье смутных наших дней»³. Культ ее мне активно враждебен и противен, всякое приукрашивание ее ужасно. И человек никогда

не выдумывал ничего более гнусного и противоестественного, чем цветы на трупе. В последние дни похорон я нажрался этим досыта. Нет, я просто «Плачу и рыдаю всегда помышлю смерть и вижу во гробе лежащую красоту

1 Голицыно — Дом творчества писателей под Москвой.

2 Яков Захарович Шведов (1905—1991)—русский поэт, автор многих сборников стихов и прозы, популярных песен («Орленок», «Смуглянка» и др.); бывал в Вологде.

3 Баратынский Евгений (1800—1844) — русский поэт. Цитата из стихотворения «Смерть» (1828), последняя строфа которого полностью звучит так:

Недоуменье, принужденье —

Условье смутных наших дней,

Ты всех загадок разрешенье;

Ты разрешенье всех цепей.

- 172 -

нашу, безобразну, безславу, не имящу вида» (писал а по памяти, потом сверился)¹. Проще, яснее, а главное — искреннее (а мы ведь все истерики) не скажешь! Молодец Иоанн Дамаскин.

Ответил ли тебе Ю. Арбат? Я живу в Голицыне (пробуду там числа до 17/1, поэтому, если скоро,— пиши туда). Он в Малеевке², и мы не видимся. Передавал я письмо через одни руки, и поэтому не могу вспомнить, дал ли твой адрес. Если он не отвечает— напиши, я поеду к нему. Это его мозоль.

Вышло бухарестское издание «Обезьяны...» Очень (подчеркнуто автором.— В. О.) хорошая красочная, хотя и формалистическая обложка, но я не против умного формализма. Строгаю понемногу роман «Хранитель древности» (так у автора — «древности».— В. О.). В первой части там много об искусстве, ибо действие происходит в музее.

Из, может быть, известных тебе понаслышке людей, с которыми я живу в Голицыне,— Юрий Казаков³, с которым мы очень здорово сошлись на базе полного равноправия. Он хороший парень, но в конец зацелованный и обслюнявленный генералами от литературы и, конечно, «Единственная надежда советской прозы». Но это больше для внешнего употребления и витрины, хотя травма, конечно, есть. Вот так-то, брат.

Извини, что письмо выходит невеселым — ничего что-то хорошего у меня не стало происходить в жизни. Нет вот чудес, и ничего не напишешь, а мы ведь всегда живем в надежде на чудо. Только у русских и есть I икона «Нечаянные радости» — радость, которая тебе не положена ни по штату, ни по заслугам. Радость так, ни за что, только снисходя к твоим нуждам. Вот ее-то у меня и нет, все радости плановые и грошевые, добытые с превеликим потом.

1 Дамаскин Иоанн (1737—1795) — русский ученый, археограф, библиограф, филолог, создатель «Библиотеки российской» — выдающегося книговедческого труда; епископ, известный своими проповедями.

2 Малеевка — Дом творчества писателей в Подмоскowie, близ г. Рузы.

3 Казаков Юрий (1927—1982) — русский писатель, автор многих книг, рассказов, знал как шумный успех, так и гоненья, бывал в Вологде.

- 173 -

Ну, прости, вижу, что письмо выходит каким-то не таким, как надо. Обнимаю тебя и целую руку твоей жинки. Юрий.

6.

1964, январь

Дорогой старик!

Случилась совершенно невероятная вещь — одна из тех, которые могут случиться только со мной: я написал тебе письмо, записал даже в своей памятной книжке, что оно отправлено, но не отправил, а опустил каким-то непонятным для меня образом в ящик стола — просто-напросто смешал с бумагами и забыл. Такие вещи раз в десять лет у меня обязательно бывают — поверь и не сердись на своего безголового друга.

Я пока в Голицыне, но 18 уже кончается мой срок, и я перееду в Москву, так что пиши туда. Ответил ли тебе Арбат? К сожалению, я его еще не видел: он в Малеевке. Коли он ничего не ответил, я на него насяду.

За эти пять лет я пережил две смерти. В 59 году весной умерла близкая мне женщина Галя Андреева, которой я много обязан (она работала редактором). Ее у нас знали многие: это была красавица (в самом строгом смысле этого слова), умница и человек редкого благородства. Когда она меня полюбила, я только что вышел из лагеря и был нищ и звероподобен. Часто болел. Она меня отхаживала. Когда она умерла, мы с ней были в ссоре, и я ее не видел. Она переносила это очень тяжело. Мы до сих пор не знаем и никогда не узнаем, не кончила ли она самоубийством. У нее была астма, и она приняла тройную, как она знала — смертельную, дозу сосудорасширяющего, сосуды в мозгу не выдержали. Теперь вот умерла мать. Хорошо, что больше уже и умирать некому — я один.

Кончаю вчистовую первую часть повести «Хранитель древности» — отдельные куски как будто ничего, но как это будет в целом, не знаю совершенно — много лирических отступлений и экскурсов. Когда перепечатаю набело, м. б., пришлю тебе кое-что. Такие-то вот дела!

- 174 -

Сегодня старый Н. Г., мы его, три Юрия — я, Казаков и Коринец¹, — будем встречать вокруг крошечной елочки. «В лесу родилась елочка, в лесу она росла».

Ну вот, кажется, все пока, обнимаю, Юрий.

7.

18 августа 1966

Дорогой друг, ты, наверно, уже совершенно потерял меня из вида — прости, пожалуйста, правда, события повернулись так, что я просто-напросто выбыл из строя. Сначала болезнь, больница, потом процесс оклеманья, затем запущенные дела (т. е. писанья, писанья без конца) — в общем, на довольно продолжительное время я просто выбыл из строя. Не сердись, пожалуйста! Сейчас впервые после ровно тридцатилетнего перерыва увидел море. Подумать только, в первый раз я в 1914 был на Азовском море, около Мариуполя, затем в 1936 — возле Анапы и наконец сейчас, в 1966 — в Феодосии. Море чудное — пустынное, огромное, тихое — бухта! — но окрестности, к сожалению, премерзкие — каменистая пустыня и солончаки. И в отношении фруктов неказисто — кислый виноград да каменная слива — человека убить можно. Но главное, конечно, — море, море — только больше оно безжизненное — когда ребята поймают медузу или краба, то смотреть собирается весь пляж. Таю мечту хоть однажды издали увидеть дельфина — но, конечно, где там! Тем не менее, товарищи, приехавшие ко мне из Коктебеля, завидовали моему счастью — живу я в минуте ходьбы от моря и не вижу каждую минуту своих окаянных коллег! За эти восемь лет я так обожрался ими — что, действительно, попасть в такой густой раствор их, как в Доме творчества, — для меня было бы смерти подобно!

Что писать о себе? За день до отъезда получил из лукавых рук своей редактрисы первый экземпляр. «Хр.

1 Коринец Юрий (р. 1923) — русский советский писатель, автор многих повестей для детей: «Там вдали, за рекой...», «Володины братья», «Где живет комсомол» и др.

- 175 -

Д.»¹ — бумага № 2, т. е. «она, быть может, и чиста, да как-то страшно без перчаток», стр. 254, тир. 100000, цена 53 коп. Есть литография, хороший портрет автора (Б. Могилевский). Остальное оформление пребезобразное: слепые линогравированные заставки — по сто пудов в каждой, обложка верх безвкусицы — верхние венцы дома на курьих ножках. В общем, пришлю, увидишь. Все (за исключением портрета) сделано помимо моей воли — но уж хорошо, что книга вышла хоть так. Приеду, встречу с коллективом — буду их поить — и обязательно наведу полную ясность насчет твоей рукописи². Беда, что наш с тобой редактор — человек настолько обтекаемый, что его (ее) не схватишь. Протечет сквозь пальцы, но я сделаю все, что могу, — так что подожди еще дней 20—25!

Пиши о себе — как и что творишь? Вышла ли уже в свет книга Ю. Арбата о народном искусстве? Издание — чудо, а в содержании далеко не уверен. Эх, брат, брат! Тебе бы издавать такие книги. С твоим чутьем, эрудицией! Как твоя Милая супруга? Кланяйся ей от меня и целуй ручку.

Буду здесь до 7, так что если письмо дойдет быстро и ты быстро соберешься ответить — то пиши (следует адрес. — В. О.).

Обнимаю тебя, дорогой. Твой Юрий.

8.

1970

Дорогой Володя,

прости аз, многогрешного и нерадивого, за столь долгое молчание. Только что возвратился из дальних странствий (Ср. Азия) и тут нашел все: и письмо твое,

1 Роман Ю. Домбровского «Хранитель древностей» опубликован издательством «Советский писатель».

2 Речь идет о рукописи повести Железняк «Кружевное панно», одобрительный отзыв на которую писал В. Г. Лидин, но тогда она света не увидела.

- 176 -

и книжку¹. За то и другое спасибо, родной! Книгу прочел залпом, несмотря на то, что я ее почти всю уже знаю по прежним твоим присылкам. Впечатление четкое, стройное. Может быть, только слишком драматизирован и, следовательно, притянут за волосы конец «Изографа». (В самом деле — с чего он в полынью-то полез и как это следует понимать в плане реальности?) Но вообще хорошо! Стильно и сильно! Насчет «фонариков»² даже растрогался. Так это интересно.

Ох, этот пьющий батюшка — русский аббат Мелье³: он и верит и не верит, и водку пьет и пост держит, и матерится и благословляет, и обедню служит и черта тешит — я вот тоже про такого написал страниц сто, ибо видел его однажды воочию. А как обстоит у тебя с дальнейшими лит. планами?

Я, очевидно, буду в длительном простое, ибо работаю над большой вещью, и нет даже тени надежды толкнуть ее куда-нибудь, настолько она ничему не соответствует. Но пока ее не кончу, не примусь ни за что другое — это единственный способ что-нибудь сделать, иначе пойдет кусочничество. Вот мой дядюшка пишет с 1915 года и так ничего и не написал, а неконченного — корзины и сундуки.

Что писать про себя? Пенсионер. Получаю 120. Пока не болею. Живу скучновато. Гибну за металл, т. е. зарабатываю не на том, на чем нужно (переводы, рецензии, командировки и т. д.).

Старых ВГЛКовских отношений ни с кем, кроме как с тобой, не сохранил. Вижу иногда похожего на утопленника Фина — раздутого, пузырястого, приземистого, словом — «чудище обло», иногда мелькает Бендик. Такой же липучий и противный гадик, как и полвека назад. О. Моисеев умер, но, говорят, что это не М. Альтшулер,

1 Речь идет о книге В. Железняка «Отзвеневшие шаги» (1968), которая открывается рассказом «Изограф».

2 Окончание слова неразборчиво, но, видимо, имеется в виду строчка «а фонари так неясно горят» из песни Василия Сиротина «Улица, улица, ты, брат, пьяна...», поскольку далее резко, контрастно, диалектично характеризуется тип, обрисованный в повести В. Железняка.

3 Мелье Жан (1664—1729)—французский философ, утопический коммунист, сельский священник.

- 177 -

т. е. Альтшулер, но другой. Может быть, Дм. Борисов — шизофреник, человек тяжело больной. Тоже как-то (уже очень давно) попался мне на пути, но лет уж 8 не имею о нем никаких сведений. Тогда же видел и Крашевского, протезированного, наглого, маститого (носится с переизданием «По ступенькам», больше ничего не смог выдумать). Где-то есть П. Панченко, Шприт, Ю. Нейман, П. Железнов (этого вижу), Асанов¹ — вот и все, что от нас осталось,— не густо, не густо, брат! Ну да что там! Мы хоть живы остались, а ведь добрая четверть наших современников пошла на размол то по тем, то по этим основаниям, случайностям и необычностям века.

Так напиши же мне про свои планы? Как? Над чем? Для чего (кого)? Страшно буду рад и теперь отвечу скоро, ибо никуда уезжать не собираюсь. Твои новые выдержки меня здорово порадовали. Очень профессионально и точно! А прозе нашей не хватает, по-моему, именно этих качеств! Спасибо!

Ну, крепко жму твою руку, целую ручку у твоей супруги и прошу особенно меня не ругать. Сегодня первый раз сел за стол после двух, месяцев маразма и тебе пишу первому (а надо написать 20 писем).

Будь здоров, дорогой. Юрий.

9.

1972

Дорогой Володя,

запоздываю с ответом безбожно, но, поверь, только недавно получил твое письмо, а то был в Голицыне, работал. И так, нам снова не удалось повидаться. Это горестно, о многом бы было что поговорить и рассказать. Я все долбаю и долбаю свой роман. Седьмой год! Ужаснись и посочувствуй! Осталась половина четвертой

1 Здесь Ю. Домбровский перебирает имена тех, с кем они вместе учились на ВГЛК (Высшие гослиткурсы): Юлия Нейман — поэт и переводчик, Павел Железнов — поэт, прозаик Николай Асанов; другие имена мне ничего не говорят (и в справочниках не обнаружены).

- 178 -

части, но в ней-то и все дело. Или, может быть, мне кажется, что в ней все дело? И это тоже бывает.

Недавно получил открытку Дм. Борисова — он ко мне тоже собирается вот уже пятнадцатый год. Это с одной улицы на другую — и пишет, пишет. Что делать? Шизо! Вот уж не знаешь, где и как кого достанет судьба. Ведь, как ты помнишь, я был первый кандидат на это. Вот устоял как-то. Лагерь, что ли, помог.

В этом отрывке частного письма, который приведен в книге Сандлера о ВГЛК, ровно ничего нет. Вот эти строки: «В 1930 году, после угарного закрытия тех курсов, где я учился (Высшие государственные литературные курсы — сокращенно ВГЛК), нас, оставшихся за бортом, послали в профсоюз печатников. А профсоюзные деятели в свою очередь послали в издательства на предмет не то стажировки, не то производственной экспертизы: если, мол, не выгонят — значит, годен». Вот и все, и дальше — о моей встрече с Грином.

А о ВГЛК написать, конечно, стоило бы — в своей вещи я касаюсь их, но только одного эпизода и то под известным углом: как начинал приносить жертвы Молоху — карать не за что, а во имя чего-то и для чего-то. Эпизод был (Исламова-Альтшулер) в общем-то пустяшным, но для меня и тогда в высшей степени многозначительным.

Впрочем, и мы все это понимали более сердцем, чем разумом, но понимали. Я помню, ты тогда сказал некому прохвосту Краснову (помнишь? непробудный и явный алкаш, сын попа, не сдавший ни одного зачета, чествивший нас за пьянство, происхождение и неуспеваемость): «Если ты будешь проситься в общественные прокуроры — я буду проситься в общественные защитники»? Вот этого эпизода я касаюсь, но отнюдь не мемуарно, и не в его полной жизненной реальности. А ведь стоило бы и просто воспоминания написать, а? Интересно было бы. Очень рад, что ты принялся за повесть. О дрессированной ящерице, кажется, еще никто не писал. Очень будет интересно почитать. Пиши, старик, пиши! И дай Бог всего-всего!.. Ну, обнимаю, дорогой, и целую ручку твоей очаровательной супруге. Твой Юрий.

- 179 -
10.

Декабрь, 1973

Дорогой старый друг, поздравляю тебя с новым Anno Domini MCM XXIV. Дай же Бог всего, всего и здоровья тоже! И веселого юбилея, и лет до ста расти нашей старости! Мне ведь тоже — страшно сказать! 65! А? Это нам-то! Голубым гусарам с Кудринской! Сплошная фантастика. Обнимаю, дорогой. Целую ручку твоей милой жене. Юрий.

(Продолжение на другой стороне открытки.— В. О.). А это прочти на Новый год за минуту до курантов и чокнись со мной.

До Нового года минута одна,

За что же мне выпить сегодня вина?

За счастье, что будет в грядущем году?

Не верю я в радость — я с ней не в ладу!
Быть может, мне выпить стакан за любовь?
Любил я когда-то — не хочется вновь!
За горе? К чертям! Ведь за горе не пьют!
За что же мне выпить? Часы уже бьют!
Эх, так ли, не так ли, не все ли равно!
Я выпью за то, что в стакане вино!
Ура, дорогой! С Новым годом!

11.

1974

Дорогие Железняки — простите, что несколько запоздал: лежал в травмат. отд. с переломом руки чуть ниже плеча — он у меня эпифасный винтообразный. Так что сейчас я похож грудью и рукой на каменного командора и так прохожу 4 месяца, а там, может, и «ризовать» придется. Вот такие-то подарки посылает судьба на 68 году жизни.

Что писать о себе? Буду (по договору... С кем? — неразборчиво.— В. О.) работать над исторической повестью, и добро бы мой герой был Шекспир, а то Добролюбов! Тут «на пятак не разгуляешься», как пишет Бунин. Работать придется свирепо — к 14 августа. Посуди сам. Да еще с моей кропотливостью в отделке. А уровень

- 180 -

снижать не хочется. Считаю, рановато нам еще на такую пенсию (подчеркнуто автором.— В. О.). Мы еще кони.

Ты интересуешься царями: простирается ли этот интерес и на Н. II?¹ Я пришлю тебе мой перевод с английского о судьбе (его) жены и дочек. Выходит, что они были перевезены в Псков, жили там под охраной (много Свидетелей) и потом были вывезены в Москву. Это почерпнуто из дела, хранящегося в одной из библиотек. Или тебе это ни к чему? Я-то не думаю — раз «как ни болела, а умерла», особого резона тут не найдешь. Но любопытно.

Что у тебя за дача? Земельный надел? Постройка? В Доме творчества мне работать способнее, чем в Москве (звонки, надобности, встречи), но по роду этой моей работы (нужны материалы) он на первое время хотя бы исключается.

Уж второй год (встань!) пробую сдать в печать (сначала в «СП», потом «Совр.») книгу рассказов 18 л. Все согласны, все заверяют, и ничего не делается. Нет, лучше иметь дело с (слово неразборчиво — В. О.), чем с братьями-писателями, у которых в судьбе что-то роковое. Рок не для них, а для пепешника (?— В. О.) Белова. Знаю и почитаю — он из «мужиковвствующей стаи», пожалуй, самый-самый.

Горько пережил смерть Шукшина, для нас — меня и жены — это был Гений Чехов. Умер от закупорки (а не миокарды). А твой исследователь Красова² — дает интервью. Ладно, кончаю, обнимаю, Юрий. Твоей очаровательной жене целую ручку. Ю.

И сверху оборотной страницы, перевернув ее «вниз головой», автор дополнил: «Очень, очень благодарю за «Завтрак». Жаль, что цвета приходится угадывать³. Прекрасно».

1 Судя по всему, имеется в виду семья последнего государя Николая Александровича.

2 Творчеством В. Красова занимался В. В. Гура (и, пожалуй, только он один в последние десятилетия). В этом письме больше, чем в других, проявлен интерес к литераторам-землякам адресата, о чем свидетельствует и беглое высказывание по поводу В. И. Белова.

3 Странноватое дополнение к письму объясняется просто: Железняки с письмом послали Ю. Домбровскому черно-белую фоторепродукцию живописной работы Нины Витальевны «Полдник в лесу». Только и всего.

- 181 -
12.

Октябрь 1976

Дорогой Володя, во первых строках моего письма благодарю тебя за книгу¹ и восхищаюсь ею — хорошо, просто и очень, очень ново. В частности, для меня — четыре последних рассказа я знал, но все остальное прочел впервые и порадовался за тебя! Здорово! Молодец! Во вторых строках прошу прощения за столь долгое, но, надеюсь, извинительное молчанье. Был не в Москве — и все, что вынималось из ящиков, громоздилось у меня на столе. Вот вчера приехал, увидел и сел читать твою книгу. Порадовала меня и Н. В.— отличная работа. В последнем (десятом) номере я прочел в общем-то очень в неплохой статье о Бенедиктове (по-моему, поэте замечательном) следующую цитату из Ж. Ренара: «Совершенное всегда в какой-то степени посредственно... Вкус — это м. б. боязнь жизни и красоты». Ну, с вершины Толстого и Пикассо — это м. б. и так, но нам, простым смертным, нравится именно вкус, а не безвкусица. Так вот, книга оформлена с великолепным чувством вкуса, такта и стиля. Что писать о себе? Кончил наконец-то роман, над которым работал с 1962 года, т. е. вторую часть «Хр.»², в общем — вместе с «Хр.» это около 1500 стр. на машинке. Сейчас работаю над очень противной, но заказной и авансированной (т. е. обязательной) работой. Наверно, получатся сапоги всмятку. Жив, здоров, живу с женой и двумя кошками. Очень хотелось бы повидаться. Вот, кажется, и все. Обнимаю тебя, дорогой, и целую ручку Н. В. Твой Юрий.

* * *

И снова перебираю я пожелтевшие, выцветшие конверты, держу в руках листки, запечатлевшие дружбу двух старых писателей, так или иначе одолевших горе-злосчастье растрепанного и трагического нашего века.

1 В 1976 году вышла книга В. С. Железняк «Голоса времени», посланная автором своему старому другу.

2 Закончен роман «Факультет ненужных вещей», о первом варианте которого Ю. Домбровский упоминает уже в письме за 1956 год.

- 182 -

На разной бумаге написаны эти письма: есть и специальная почтовая, но чаще — линованные листки, небрежно вырванные из школьных тетрадок, на каких и сочинялась Главная книга Юрия Домбровского. Диву даваться какому-нибудь графоману, как создается классика!

Чаще всего, листки густо заполнены, много зачеркиваний и поправок, полное безразличие к знакам препинания. Строчки набегают друг на друга, тесно лепятся сбоку — снизу вверх, никаких абзацев, конечно, нет,— их я ввел ради удобства при чтении, придерживаясь реального смысла. Но зато какая наполненность писем, их густота и характерность...

Некоторые из писем датированы автором, в других случаях время их написания определялось по почтовым штемпелям на конвертах или отметками адресата на них о времени получения. Так или иначе, живое и текучее время горячо пульсирует на этих пожелтевших страницах.

И открывают они нам, эти страницы, волю самоутверждения и сопротивления злу, волю творить жизнь в художественных формах — не взирая ни на какие обстоятельства! — ради того, чтобы наша реальная жизнь становилась человечнее.

Публикация, подготовка текста,

предисловие и примечания В. А. Оботурова.